

груди и всячески показывать, что он болен. «Сердце прихватило, – не глядя мне в глаза, сказал он, – свяжись с батальоном». Я связался, и Поздееву порекомендовали обратиться к врачу ближайшего фронтového госпиталя, запретив ехать в Каир. Он всё же выпросил у Нагиба машину и уехал, успев поссориться со мной, отказавшимся его сопровождать.

Я видел тогда молчаливое одобрение в глазах египтян, наблюдавших нашу перепалку и догадывавшихся о причине конфликта.

– Товарищ лейтенант, вы отказываетесь выполнять мой приказ! – Перейдя на официальный язык, констатировал мой начальник. – Это – нарушение устава и вы будете наказаны.

– Так точно, товарищ капитан, отказываюсь, – стараюсь сдерживаться отвечал я. – Обстановка сложная, и мы обязаны быть здесь...

Я докуриваю сигарету и после секундного раздумья – спуститься в блиндаж или нет – бреду к себе. «Сергий?» – слышу я голос часового, а затем вижу его силуэт с автоматом «Порт-Саид» на груди. «Айва», – утвердительно отвечаю я, удивляясь, как он меня узнал в кромешной темноте египетской ночи.

«Чёрт побери, – думаю я, – так хотелось надраться, и выпил немало, но опьянения почти нет. Только голова раскалывается. И необъяснимое нарастающее чувство тревоги. Как будто я плаваю ночью в океане, а где-то поблизости акула, которую я не вижу. Акула методично кружит вокруг меня, приближается всё ближе и ближе и вот-вот её ужасные челюсти сомкнутся на моём беззащитном теле...»

Я ныряю в дыру своего блиндажа, чиркаю зажигалкой, подношу огонёк к фитилю керосиновой лампы. Тусклый огонь освещает моё убогое фронтное жилище: две металлические койки, снарядный ящик вместо тумбочки, глиняный кувшин с водой, пара грубых солдатских шинелей и автомат. Я беру свой Калашников, сажусь на койку и, ощутив в руках тяжесть оружия, немного успокаиваюсь. Отсоединяю магазин, убеждаюсь, что он полный, с лязгом вставляю его на место, передергиваю затвор, перевожу предохранитель на стрельбу очередями и кладу автомат на пол рядом с койкой.

Не раздеваясь, ложусь на кровать, закрываю глаза и пытаюсь заснуть. Сон не идёт. В голове кинолентой прокручивается прошедший день: планшет с целями, идущими на нас, вой самолётов, треск зениток, разрывы бомб, молитвы арабов, окровавленные куски человеческих тел... Наконец всё пропадает и я, как бы оказавшись на карусели, ускоряющей свое вращение, засыпаю.

...По знакомым ступенькам, pinaемый конвоирами, я скатываюсь в просторный блиндаж, где несколько часов назад кипела боевая работа, и мы задыхались от клубов пыли и мелкого песка, взметённых взрывами авиабомб. Опершись на руки, я пытаюсь подняться, но кон-

воиры не дают мне это сделать, и под ударами их ботинок я утыкаюсь лицом в грязный земляной пол. Я мычу от боли и выталкиваю из разбитого рта крошево зубов вместе с песком и кровью. Звучит короткая фраза на непонятном иврите и шум удаляющихся шагов. В наступившей тишине слышу слово «встать», произнесенное по-арабски.

Поднимаюсь с пола, рукавом вытираю окровавленное лицо и со смешанным чувством ненависти, страха перед неизвестностью и любопытства смотрю на израильтян, сидящих на складных стульях. Их трое. Все в одинаковой камуфляжной форме без знаков различия, двое – похоже, что офицеры, судя по брезентовым кобурам с пистолетами, тому, как вальяжно сидит курчавый со шрамом на щеке, и резкой команде, отданной рыжеволосым громилой с шелушащимся от солнечного ожога носом. Третий – смуглолицый, очень похожий на араба, курит сигарету и в упор с удивлением разглядывает меня.

– Исмак аль-кямиль, рутба ва вазыфа? (Полное имя, звание и должность? – араб. яз.) – обращается ко мне смуглолицый, загасив брошенный на пол окурочок подошвой высокого ботинка.

Лгать бессмысленно – на столе содержимое моего портфеля (когда его сюда принесли?): записная книжка, карманный русско-арабский словарь, полблока сигарет «Клеопатра», портативный радиоприёмник, плитка шоколада, какие-то бумаги, но главное – временное удостоверение личности, подписанное заместителем начальника египетской контрразведки полковником Бардизи.

Стараясь преодолеть противную дрожь в коленках, с трудом ворочая разбитыми губами, отвечаю, что я – советский офицер, лейтенант, переводчик арабского языка... Говорю об оказании египтянам интернациональной помощи, говорю что-то ещё... От волнения во рту пересыхает, говорить больно, а я, комкая арабские фразы, всё говорю и говорю, автоматически вслушиваясь в иврит перевода.

– Стена! – Останавливает меня смуглолицый, едва успевая переводить мою не совсем внятную скороговорку, но я продолжаю шпарить по-арабски так, как-будто от этого зависит жизнь. «Учите язык не за страх, а за совесть, настоятельно советовали нам, пацанам в курсантской форме преподаватели, от уровня владения им будет зависеть ваше будущее...» А командиры нещадно наказывали неувольненными в город и нарядами вне очереди на кухню за каждую «тройку». Уроки бывших зубров военной разведки я усвоил отлично...

Я отвечаю на вопросы, которые задаёт через переводчика израильтянин со шрамом. Не комплексуя – на кон поставлена моя жизнь, выдаю почти всё, что знаю. Впрочем, знаю я совсем немного. Рота осуществляет радиолокационную разведку и даёт целеуказания в интересах зенитно-ракетных дивизионов, дислоцированных в 50-60 километрах от канала... Детально систему ПВО Египта не знаю... Да, тактику «кочующих» ЗРК разработали наши советники... Русские

лётчики прикрывают с воздуха Каир, Александрию и Асуан, количество МИГов мне неизвестно...

По реакции израильтян догадываюсь, что обо всём этом они знают больше меня. И я замолкаю. Очень хочется пить, по лицу стекают ручейки пота, хаки неприятно прилипает к спине. Смотрю на десантников, а перед глазами трупы прирезанных ночью египтян. Мне страшно...

– Сергей, ты из Москвы? – Внезапно спрашивает меня молчавший до этого рыжеволосый. Вопрос задан на чистом русском языке и от неожиданности я теряю дар речи. «Это невероятно, этого не может быть!» – проносится у меня в голове. Я судорожно слглатываю пересохшим горлом и почему-то по-арабски отвечаю, что я из Ленинграда. Смотрю на рыжего, и не верю своим глазам – он улыбается, затем, повернувшись к своим, что-то им говорит и мы остаёмся в блиндаже одни.

– Ну, здорово, земляк, – говорит мне израильтянин, поднимается со стула во весь почти двухметровый рост и протягивает мне руку. – Мойша, Михаил.

– Вы же с русскими не воюете, – с возмущением говорю я ему вместо приветствия. – Вот это – за что? – Я осторожно прикасаюсь рукой к своему лицу и разглядываю ладонь – на ней кровь.

– А у тебя на лбу написано, что ты русский? В египетской форме с автоматом... Вообще должны были убить. – Мойша пододвигает мне стул. – Присядь, на, выпей воды. – И он протягивает флягу.

– Времени очень мало, Серёжа, – говорит израильтянин пока я пью воду, стараясь не прикасаться горлышком фляги к остаткам передних зубов, – а нужно о многом поговорить. Сейчас бойцы погрузят в вертолёт блоки вашей П-15 и мы улетаем. Что делать с тобой, не знаю: у нас приказ – пленных не брать. Ну, ладно, придумаем что-нибудь...

Мы закуриваем мою «Клеопатру» и Миша коротко рассказывает о себе. Он с Васильевского острова, там на улице Репина до сих пор живёт его мать, убежденная коммунистка, не желающая ехать на землю обетованную ни при каких условиях. Сам Меерович отслужил срочную в ВДВ, в Рязанское училище не взяли из-за пресловутого пятого пункта,

БОЕВОЕ БРАТСТВО: ФОТОХРОНИКА

